

П. РИКЁР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

Аннотация. Для историко-философской концепции П. Рикёра характерно внимание к субъективизму историка. Эту концепцию можно дополнить такими объективными началами исторического исследования, как материалистическое понимание истории и антропологическое понимание истории. Рикёр предложил своего рода триаду в понимании им субъективной стороны исторического исследования: субъект такого исследования, его субъективность, предвзятость и опосредующие звенья между исследователем и его предметом, так называемые исторические следы. Последнее не потеряло актуальности и по сей день.

Ключевые слова: акселерация, антропология, история, личная зависимость, материализм, неотения, объект, статистика, субъект, финансовая зависимость

Поль Рикёр (1913–2005) известен философским исследованием феномена человеческой воли, человека как субъекта, сообщающего смысл окружающей действительности, и человека как носителя сознания, дающего материал для своего рода феноменологии духа. В настоящей статье мы обратимся к философско-историческим взглядам мыслителя, касающимся объективности и субъективности в истории, что актуально не только для философии и исторической науки, но и для человеческого мировоззрения вообще.

Историческая триада

П. Рикёр полагал, что «мы ждем от историка определенной субъективности, не субъективности вообще, а такой субъективности, которая могла бы в точности соответствовать объективности, в свою очередь соответствующей истории»¹. По-видимому, автор имел в виду, что для истории полезно, когда мировоззрение историка гармонирует с ее объективным содержанием. Отсюда следует, что успех исторической науки в определенной степени является делом случая и зависит от вероятности, с которой историк отвечает своему предмету. Ситуация усугубляется еще и тем, что историк должен соответствовать даже не своему предмету, а его историческим следам². С этим утверждением трудно спорить. Следовательно, анализ исторического исследования

показывает нам, как даже в благоприятном случае гармонии с историческим предметом историк отдаляется от него.

Можно было бы сказать, что успех исторического исследования пропорционален квадрату расстояния историка от своего предмета, поскольку их контакт опосредуется, с одной стороны, субъективностью историка, а с другой — следами предмета истории. Насчет квадрата расстояния мы высказались, разумеется, метафорически. Но вероятность успешного исторического исследования рассчитывается аналогично. Так, если бы исследовательская ситуация в исторической науке осложнялась только указанными препятствиями (субъективностью историка и следами предмета), вероятность успешного исследования составила бы солидную величину в 25%. Однако историческому исследованию сплошь и рядом мешают заранее неизвестные нам факторы. Поэтому вероятность успешного исторического исследования составит квадрат предыдущей величины, т.е. 6,25%. Это больше статистической ошибки (4,106%), но, все равно, немного. Интуитивно улавливая это обстоятельство, П. Рикёр писал, что «история зависит от различных уровней привычного понимания причинности...»³, из которых мы упомянули только лежащие на поверхности.

К числу заранее неизвестных факторов, мешающих историческому исследованию, П. Рикёр относит такой неожиданный фактор, как субъективность внутри субъективного историка⁴. Это сложное умозаключение предполагает то, что имеющий

¹ Рикёр П. История и истина. СПб: Алетейя, 2002. 400 с. С. 36.

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2 изд., доп. М.: Наука, 1986. 256 с. С. 33.

³ Рикёр П. История и истина. СПб: Алетейя, 2002. 400 с. С. 41.

⁴ Там же. С. 47.

предубеждения историк воплощает их непоследовательно. Подобный фактор действительно снижает вероятность попадания историком в историческую цель. Следует заметить, что в 4,106% случаев субъективные предубеждения прозорливого историка не снижают, а повышают вероятность успеха исторического исследования. Подобный дар историка обычно называют интуицией. Она плохо поддается выявлению и, тем более, — программированию. Затруднение состоит в самой природе интуиции, и вот почему.

Интуицию нельзя назвать сознательно организованным проникновением в существо предмета исследования, что очевидно. Следовательно, интуиция представляет собой отрицательную сторону сознательного процесса познания, что очевидно также. Но тогда становится неясно, каким образом отрицательная сторона процесса познания приносит ему порой позитивные плоды. Это могло бы иметь место при условии, что интуиция не столько целенаправленно выявляет существо предмета исследования, сколько сужает направление его поиска в силу своей отрицательной природы. Проще сказать, интуиция основывается на неприятии ряда неудачных направлений познания, в результате чего удивленному исследователю остается «нескомпрометированное» направление поиска. Его неожиданное обнаружение он расценивает как инсайт, проницательность, достигнутую благодаря работе интуиции. Столь сложный путь ее осуществления объясняет, почему собственная интуиция остается человеку непонятной. Однако возникает вопрос о психологическом механизме, поддерживающем интуицию, помимо воли и сознания человека. Ответ содержится в учете последнего человеческого качества, и вот почему.

Человеческое сознание (точнее, самосознание) осуществляется благодаря собеседованиям полушарий головного мозга человека. Из них говорить умеет левое, а слушать и понимать речь умеют оба¹. Левая височная извилина головного мозга у правшей, ее речевые зоны Брока и Вернике, доминируют в сознательной работе психики. Немое левое полушарие остается подавленным. Однако оно работает и молча анализирует ту же информацию, что и левое полушарие. Анализирует, конечно, не словесно, а эмоционально. В ряде случаев оно обнаруживает бесперспективность некоторых направлений познания. Когда левое полушарие утомляется от ту-

пиковых поисков и перестает подавлять правое, последнее передает ему ощущение бесплодности уже проанализированных направлений познания. Левое полушарие поражается и называет полученное знание-ощущение интуицией.

Помимо интуиции, к субъективности субъективного историка можно отнести его стремление осознать историю². Наконец, историка подстерегает такая задача, как ложно понятая объективность³.

Не менее сложно обстоит дело, когда речь идет не об общей истории, а об истории философии. Философские системы несут отпечаток индивидуальности своих авторов⁴. Складывается своеобразная когнитивная ситуация, когда субъективность историка философии дополняется субъективностью автора философской системы, подлежащей изучению. Мы можем видеть, что взгляды П. Рикёра весьма антропоцентричны: свидетель истории интересуется его больше самой истории. В результате П. Рикёр в анализе ситуации исторического исследования теряет равновесие между субъективным и объективным. На этом методологическом упущении мы остановимся далее.

История философии должна учитывать то обстоятельство, что «предшествующие философские системы входят составной частью в память новой философии и в ее положение; однако каждая из них определенным образом несет в себе прошлую историю, включая ее в исторический момент, представляющий собой нечто вроде абсолюта»⁵. По-видимому, сказанное моно понимать так, что и оригинальная, и традиционная части исторической системы несут на себе отпечаток философской традиции, затрагивающей отражение объективного исторического процесса.

В истории философии субъективность приобретает воинствующий характер. Так, «история философии — это созидание философии как поворота к объяснению собственного «я»»⁶. Как представляется, мыслитель подразумевал, что философ, не понимающий, откуда у него в голове взялось второе Я, обращается к истории философии в надежде разобраться с этим вопросом. Попробуем ему помочь.

У человека-правши (таковы 90% людей — наверное, 95,894%) левое полушарие головного мозга,

² Рикёр П. История и истина. СПб: Алетейя, 2002. 400 с. С. 51.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 66–67.

⁶ Там же. С. 69.

¹ Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bimodal Mind. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 467 p. P. 106–117.

управляющее правой рукой, владеет членораздельной речью. Как уже упоминалось, оба полушария головного мозга, их височные области, понимают речь, но говорить умеет только левое. Подобная асимметрия головного мозга сложилась благодаря тому, что первым языком наших предков являлся язык жестов¹ — так называемый язык жестов Кени, с трудом реконструируемый в наши дни. Реконструировано пока два жеста: «круг» Р. 3744. *kóla* < ko «направление (вверх)» + la «подошва» (вниз) = «круговое движение руки» и «шесть (жест)» Р. 703. *hálu* < ha «выдыхать» (отгонять) + lu «пчела» = «отгонять пчелу (пятерней и кулаком одновременно, что дает 6 действующих единиц: 5 пальцев + 1 кулак)». Поясним, что литера Р. с цифрой обозначает слово первого в истории членораздельного языка Руди с порядковым номером слова в его словаре. Этот язык 2,3–1,84 млн. лет назад создал наш прямой предок, «кениантроп с озера Рудольфа» (*Kenyanthropus rudolfensis*, 2,43–1.84 млн. лет назад).

Итак, в функциональном отношении человеческий мозг асимметричен². Правой рукой управляет моторная зона коры левого полушария головного мозга. Нижняя оконечность этой зоны, руководящая пальцами руки, лицом и языком³, разделяет прилегающие зоны Брока (спереди) и Вернике (сзади), которые командуют речью. Подобным соседством обусловлена наша назойливая жестикуляция при разговорах, когда возбуждение из речевых зон Брока и Вернике иррадирует (механически распространяется) в сопредельную моторную кору и автоматически приводит в движение правую руку. В силу зеркального функционального партнерства полушарий головного мозга возбуждение возникает и в моторной коре правого полушария, ведающей левой рукой (у правой), в результате чего она приходит в движение вслед за правой. В итоге, разговаривая, мы против своей воли энергично жестикулируем обеими руками, что наблюдается в массовом порядке.

Причина описанного повседневного явления объясняется тем, что первоначально речевые зоны

Брока и Вернике обслуживали движения правой руки и координировали осуществляемый ею язык жестов. Подобная тонкая функция закрепила за названными зонами пилотаж грамматических структур. Затем они были перенесены на зарождающийся голосовой язык. Его моторика обеспечивается нижней переключкой между зонами Брока и Вернике⁴. Прямое подтверждение высказанному мнению заключено в том обстоятельстве, что поля левого полушария головного мозга, обслуживающие язык, одинаково хорошо работают как в слуховом, так и в зрительном диапазоне⁵. Это свидетельствует о том, что указанные поля первоначально обслуживали язык жестов, воспринимаемый зрительно, а потом переключились на обслуживание звукового языка, воспринимаемого на слух.

Речевые зоны Брока и Вернике как особые образования головного мозга наследуются человеком генетически в качестве нейромеханизма, обслуживающего членораздельную речь. Развитие речи и языка кодируется геном FOXP2⁶, который различается у человека и шимпанзе. Можно думать, что речевые зоны приспособлены к усвоению грамматики языка, которая начала формироваться не менее 2,3 млн. лет назад. Однако фонетика, морфология и синтаксис конкретного языка, равно как и его словарь, наследственными не являются. По этой причине дети, воспитанные животными (так называемые «Маугли», или *homo ferus* «человек дикий»), по наследству языка не получают, разговаривать не умеют и усвоить человеческий язык уже не в силах, если им исполнилось 5 лет, когда устойчивые связи нейронов мозга сформированы на 90%⁷. Собеседования полушарий головного мозга человека и феномен второго Я у него в голове стали

⁴ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М.: ИФРАН, 1996. 252 с. С. 43; Клягин Н. В. Человек в истории. М.: ИФРАН, 1999. 238 с. С. 181; Клягин Н. В. Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 264 с. С. 115; Corballis M. C. The Gestural Origins of Language // *American Scientist*. 1999. Vol. 87. № 2. P. 138–145.

⁵ Damasio A. et al. Sign language aphasia during left-hemisphere Amytal injection // *Nature*. 1986. Vol. 322. № 6077. P. 363.

⁶ Konopka G. et al. Human-specific transcriptional regulation of CNS development genes by FOXP2 // *Nature*. 2009. Vol. 462. № 7270. P. 213–217; Dominguez M. H., Rakic P. The importance of being human // *Nature*. 2009. Vol. 462. № 7270. P. 169–170.

⁷ Биология человека / Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Тэннер, Н. Барникот, В. Рейнолдс. М.: Мир, 1979. 611 с. С. 428.

¹ Hewes G. W. Primate Communication and the Gestural Origin of Language // *Current Anthropology*. 1973. Vol. 14. № 1–2. P. 5–12.

² Гешвинд Н. Специализация человеческого мозга // *Мозг*. М.: Мир, 1982. 280 с. С. 219–239; Damasio A. et al. Sign language aphasia during left-hemisphere Amytal injection // *Nature*. 1986. Vol. 322. № 6077. P. 363–365; Gorina D. P. et al. The Linguistic Basis of Left Hemisphere Specialization // *Science*. 1992. Vol. 255. № 5049. P. 1258–1260.

³ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4 изд. М.: МГУ, 1981. 584 с. С. 275, рис. 32.

нейрофизиологической и психологической основой человеческого самосознания¹.

Во время публикации цитируемого труда П. Рикёра (1955 г.) перечисленные факты известны не были. Поэтому поиски историком философии истоков своего второго Я требуют учета того обстоятельства, что «понимание истории философии и индивидуальное философское творчество зарождаются как две стороны единого исследования бытия...»². Как и в ряде других случаев, когда философия дистанцируется от данных частных наук, обсуждаемое самостоятельное философское исследование заведомо имело не много шансов на успех.

Трудно не разделить желания П. Рикёра «назвать истиной бесконечный процесс изучения современности и понимания прошлого...»³. Поэтому «великий философ — это тот, кто умеет по-новому ставить вопросы»⁴. Опять же согласимся с мыслью автора, что «история философии выявляет такие аспекты истории, которые без нее не могут быть выявлены...»⁵. Однако неожиданно мы узнаем, что «понимание в истории философии тяготеет к двум полюсам, которые представляют две модели истины»⁶. Один тип истины принадлежит философии как системе знания, а другой — своеобразным философиям⁷. Это приемлемо, поскольку «история — это всегда разнообразие, множественность: существует одно, а следом за ним — другое. Эти «следом», «затем», «еще» и составляют историю»⁸, а «универсальной истории не существует...»⁹.

Нетрудно видеть, что философскую концепцию П. Рикёра отличает внимание к субъективному началу исторического исследования. Автор обращается к реальной истории, но не делает философских обобщений относительно действительной истории, сопоставимых с обобщениями относительно субъекта ее изучения. Таково своеобразие историко-философской концепции П. Рикёра. Мы бы не назвали эту особенность недостатком, поскольку она при-

вносит позитивное знание в понимание философии истории. Однако ее односторонность очевидна. Хотелось бы дополнить концепцию П. Рикёра некоторыми обобщениями относительно действительной истории.

Охватить историографию в целом мы не беремся. Мы обратимся, во-первых, к материалистическому пониманию истории, а во-вторых — к ее антропологическому пониманию. Объективный характер материалистического понимания истории не нуждается в особых комментариях, чего не скажешь об антропологическом понимании истории. Последнее, по определению, ориентировано на изучение субъекта исторического процесса, а такое изучение трудно избавить от субъективизма.

Чтобы по возможности избежать неизбежного субъективизма, историческую психологию человека необходимо изучать объективными методами. Т.е. попытаться взглянуть на человека со стороны, в обход теорем Гёделя (см. ниже). Можно возразить, что философия истории П. Рикёра ничего подобного не предусматривает, а предусматривает капитуляцию перед субъективизмом исследователя. Мы с этим согласимся. Однако отметим, что П. Рикёр, по определению, являлся представителем инфантильной науки, так как акселерация и инфантилизация западноевропейского общества начались в 1760 г¹⁰. и в XX в. набрали солидные обороты (см. далее).

Материалистическое понимание истории

Материалистическое понимание истории исходит из того, что в основе хода исторических событий лежат не пожелания людей, а стихийное развитие их материальной жизни — прежде всего экономической. Эта концепция подразделила историю на 4 основные стадии: *первобытность, рабовладение, феодализм и капитализм*. После стадии капитализма люди должны установить справедливый социализм, или коммунизм, что противоречит основному принципу материалистического понимания истории: она не зависит от пожеланий людей. Автором материалистического понимания истории был Ф. Энгельс (1820–1895), опубликовавший соответствующую

¹ Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 467 p. P. 21, 62–63, 106–107, 122–125.

² Рикёр П. История и истина. СПб: Алетейя, 2002. 400 с. С. 69.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 81–84.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Биология человека / Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. М.: Мир, 1979. 611 с. С. 390–392, 423–427.

идею в 1844 г.¹. С 1845 г. с ним сотрудничал идеалист-младогегельянец К. Маркс (1818–1883), разделивший материалистические идеи Ф. Энгельса. Противоестественным образом выдающееся учение Энгельса относительно материалистического понимания истории получило имя вчерашнего идеалиста Маркса «марксизм».

Люди образуют общество и живут в нем. Однако парадоксальным образом они до времен Энгельса не имели о своем обществе объективного представления. Это происходило в соответствии с теоремами К. Гёделя (1906–1978) в математической логике, называемыми теоремами о *неполноте и непротиворечивости* формальных систем (1931 г.). Согласно этим теоремам, указанные качества формальных систем нельзя выявить их собственными средствами. Например, непротиворечивость и полноту такой формальной системы, как таблица умножения, нельзя выявить средствами ее самой. Для того, чтобы показать, что дважды два — четыре, нам придется выйти за пределы таблицы умножения в более широкую систему, в практическую жизнь, затем сложить там две пары предметов, пересчитать результат и убедиться, что таблица умножения верна.

Изучая общество, человек лишен возможности выйти за его пределы. Он не может взглянуть на общество со стороны, так сказать, из космоса. Человек живет представлениями и заблуждениями общества на свой счет. Казалось бы, чего проще: материалистически взглянуть на общество, благо подобный взгляд гармонирует с практической жизнью людей. Однако мыслители, начиная с «Государства» Платона (374 г. до н.э.)², упорно рассматривали социум как конструкцию, созданную богами или, на худой конец, людьми в соответствии с их пожеланиями относительно удобств общежития. Это показалось бы загадкой, если бы не объяснялось теоремами Гёделя. Но как тогда их ограничения обошел гениальный философствующий дилетант Ф. Энгельс?

¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2 изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. 698 с. С. 507–509; Он же. наброски к критике политической экономии // Там же. С. 544–571; Он же. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее» // Там же. С. 572–597; Он же. Положение Англии. Восемнадцатый век // Там же. С. 598–617; Он же. Положение Англии. Английская конституция // Там же. С. 618–642; Он же. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам // Там же. 1955. Т. 2. 651 с. С. 231–517.

² Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1995. Т. 3. 656 с. С. 79–420.

Ответ может содержаться в последнем высказывании. Не имея философского, социологического или экономического образования, Энгельс не усвоил идеалистической матрицы взглядов на общество, которые господствовали в философии и науке. Лучшим подтверждением сказанному является то обстоятельство, что, завязав творческое сотрудничество с профессиональным ученым, младогегельянцем К. Марксом, Энгельс быстро скатился к идеалистическому пониманию общества в футурологической части этого понимания. В самом деле, опираясь на идеалистические достижения утопического социализма, тандем Маркс–Энгельс пришел к выводу, что общество будущего надлежит строить в соответствии с их пожеланиями.

По-видимому, К. Марксу пришла в голову схоластическая идея насчет того, что раз капитализм является обществом общественного (здесь — массового) производства, то и распределению в нем надлежит быть общественным, социалистическим или коммунистическим, чтобы возобладала социальная справедливость. Этот вывод вроде бы выглядит логичным. Однако его анализ не подкрепляет подобного впечатления, и вот почему.

По статистическим причинам, и люди, и даже коллективные животные не идентичны друг другу по морально-волевым и интеллектуальным качествам. Лишь 4,106% сообщества органично способно к лидерской или эвристической деятельности. Никакой дискриминации в этом высказывании нет, поскольку с убылью морально-волевой и интеллектуальной элиты общества она пополняется из числа 95,894%, составляющего так называемых рядовых членов общества. Иными словами, между ними и элитой никаких непреодолимых барьеров нет, что общеизвестно. Мечтая не столько о *юридическом*, сколько о *реальном* равенстве людей, основоположники марксизма вели себя благородно, но идеалистически, поскольку абстрагировались от биосоциальной природы человека, подчиняющейся указанной статистике. Это не назовешь научным материализмом в понимании общества. Подчеркнем, что данное высказывание не ставит под сомнение юридическое равенство людей в демократическом обществе.

Добавим, что философ-материалист, каким являлся Энгельс, должен был бы понимать следующее. Логике, по которой общественное распределение вытекало из общественного производства, отвержены, скорее, отдельные люди, нежели социум как сверхорганизм. Он подчиняется собственной логике, которая, по всем данным человеческой

истории, ничуть не преследовала человеческих интересов, а ориентировалась на выживание социума и сохранение им своей целостности, что более чем понятно. Предположительно, под влиянием К. Маркса Ф. Энгельс потерял из виду это обстоятельство и стал следовать идеалам утопического социализма, а они зиждились на идеалистическом понимании общества: захотим — и сделаем его хорошим. А оно пусть внимает.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что первые философские концепции досократиков (Фалеса, Анаксимандра, Гераклита и др.) были натурфилософскими, а не социальными. Утопическая социальная философия наметилась только у Платона (см. выше). Интерес к природе, а не к обществу помогал досократикам обходить ограничения теорем Гёделя и строить концепции природы, далеко опережающие свое время. Успеху досократиков способствовал тот факт, что, принадлежа обществу как формализованной системе, они смотрели на природу как на внешнюю формализованную систему со стороны. Это соображение объясняет то странное обстоятельство, что первые философы Древней Греции, являясь частью своего общества, интересовались не им, а природой. Они, должно быть, не видели общества со стороны и не располагали философскими обобщениями на его счет.

Симптоматично, что Платон Афинский (427–347 до н.э.), взявшийся восполнить отсутствие социально-философских систем в древнегреческой философии, обратился не к современному себе обществу, к которому он принадлежал, чем был скован из-за ограничений теорем Гёделя. Поэтому он приступил к желательной модели общества, т.е. к обществу будущего, на которое взирал из своего настоящего, т.е. со стороны. Находясь в подобном положении, он идеализировал и мысленно строил общество будущего по своему разумению, упуская из виду тот очевидный факт, что у социума на счет своего будущего имелись собственные соображения, точнее — характерные для него реакции.

В отличие от Платона, Энгельс заинтересовался наличным положением рабочего класса в Англии и заложил основы материалистического понимания истории, существо которого состояло в следующем. Независимо от воли и сознания людей общество развивается, следуя экономическим тенденциям. Духовный срез общественной жизни формируется вторично. Достаточно ли этого для понимания истории? Осмелимся предположить, что не совсем.

Энгельс никак не учитывал антропологического, в частности, психологического фактора в исто-

рическом развитии. Но без людей и их социальной психологии не может быть человеческой истории. Относительно вторичности духовной жизни Энгельс, как представляется, сделал верный вывод. По нашему мнению, духовная жизнь, вернее — общение по поводу духовных ценностей, призваны социализировать свободное время непродуктивным путем, дабы не допустить распада общества. Подобный образ жизни, надо полагать, навязал людям слепой социум. Приведенные умозаключения соответствуют материалистическому пониманию истории и конкретизируют его в свете современных научных данных.

Антропологическое понимание истории

Однако, помимо политэкономической периодизации истории, предполагающей, что она прошла стадии первобытности, рабовладения, феодализма и капитализма (что, конечно, не является открытием Энгельса), возможна антропологическая периодизация истории. Она состоит в следующем. Нам придется начать издалека.

Взаимодействия коллективных животных осуществляются непосредственно. Если говорить упрощенно, доминирующие, господствующие особи руководят подчиненными собратьями в ходе непосредственных контактов. Это определенным образом формирует психологию коллективных животных. Разумеется, подчиненным особям, возможно, не нравится подчиняться. Однако они хорошо представляют себя на месте господствующих особей и вся ситуация в целом им понятна.

Подобные непосредственные отношения личной зависимости преобладали и у людей в эпохи первобытности, рабовладения и феодализма. В те времена вожди, рабовладельцы и феодальные сеньоры руководили подчиненными членами общества непосредственно, лично. Те хорошо понимали своих руководителей и представляли себя на их месте. Никакого психологического отторжения между ними не возникало.

Ситуация изменилась с приходом капитализма. В его эпоху личная зависимость рядовых людей от руководящих персон дополнилась, а порой вытеснялась опосредованными, финансовыми отношениями. Хозяева могли оплачивать труд наемных рабочих, не вступая с ними в личный контакт. При таких отношениях рядовые члены общества зачастую не видели своих руководителей в лицо и подчинялись им заочно. Нетрудно понять, что при заочном подчинении одних людей другим подчиненные люди

попадали в психологически сложное положение, когда они даже не представляли себе господствующих над ними субъектов, не говоря о том, чтобы понять их запутанные капиталистические соображения. Капиталисты превращались в безличную недоброжелательную силу, и всем хорошо известно, что социальные протесты относительно этой безличной силы не заставили себя ждать.

Рассмотрим, например, три эпизода из Новой и Новейшей истории Европы. В ходе Великой французской революции (1789–1794 гг.) во Франции была ликвидирована феодальная монархия и установлена буржуазно-демократическая республика (1792 г.). Однако уже в 1804 г. один из ее деятелей, Наполеон Бонапарт (1769–1821), был провозглашен императором, заслужившим безмерную любовь народа.

В 1917 г. в России была ликвидирована феодальная монархия и установлена сперва буржуазно-демократическая, а затем социалистическая республика. Однако уже в 1924 г. власть в социалистической республике стала концентрироваться в руках одного человека, И. В. Сталина (1879–1953), который, не провозглашаясь монархом, стал руководить страной фактически единолично и заслужил безмерную любовь народа.

Наконец, в 1918 г. феодальная монархия была свергнута в Германии, где установилась буржуазно-демократическая Веймарская республика (1919–1933 гг.). Однако уже в 1933 г. фактически единоличная власть в стране оказалась в руках А. Гитлера (1889–1945), который заслужил безмерную любовь народа.

Складывается впечатление, что мы читаем исторические хроники, написанные под копирку. Поэтому рассуждения о том, что перечисленные события вызваны то кризисом феодализма, то кризисом капитализма, вызывают философское недоумение, поскольку в силу поразительного сходства эти события должны были бы иметь сходные причины. Под таким углом зрения ссылки на разнородные кризисы представляются отпиской. Смелое же утверждение о том, что все дело в европейском кризисе вообще, вызывает не меньшее недоумение, так как получается, что этот кризис (кратковременное обострение болезни) длился с 1789 по 1933 гг. и рассосался с установлением в Германии национал-социализма (фашизма). Историки отдаленного будущего, вкратце опирающиеся на работы современных историков, именно так и будут рассуждать, что мы, относительные современники упомянутых событий, иначе, чем чудовищным искажением истории, не назовем. Не будем же следовать примеру гипотетических историков грядущего.

На наш взгляд, гораздо проще представить себе следующее социально-психологическое объяснение

указанных событий. В эпоху капитализма психологически привычные людям, естественные отношения непосредственной личной зависимости, сменяются психологически непривычными, в чем-то противостественными отношениями опосредованной финансовой зависимости. Эти отношения вызывают раздражение народных масс. Поэтому буржуазно-демократические революции, узаконивающие неприемлемые для масс отношения опосредованной финансовой зависимости, вызывают массовый протест, что приводит к реставрации феодализма (в случае с Наполеоном I) или установление тоталитарных политических режимов феодалоподобного типа (в случае со Сталиным и Гитлером). Эти вожди в соответствии с природой своих политических режимов вели себя популистски и, олицетворяя милые сердцам масс непосредственные личные отношения, заручались общенародной любовью, что понятно. Более того, лидеры буржуазно-демократических государств, не исключая США, по возможности берут на вооружение непосредственные личные отношения с народом, поскольку такие отношения соответствуют очень древним, привычным психологическим стереотипам масс.

Мы даже можем указать древность этих психологических стереотипов. У людей, представителей трибы гоминин семейства гоминид¹, такие стереотипы не моложе возраста первого гоминида, пьеролапитека каталонского (*Pierolapithecus catalaunicus*, 13–12,5 млн. лет назад)². Более того, обсуждаемые психологические стереотипы, порожденные коллективным образом жизни, могут достигать возраста стадности у плацентарных млекопитающих, а она может датироваться возрастом древних копытных, кондилартров³, т.е. веком маастрихтом мелового периода мезозойской эры, ок. 70,5 млн. лет назад. Напротив, промышленная революция, приведшая к капитализму и отношениям опосредованной финансовой зависимости между людьми, датируется в Италии XIV в. Т.е. этим отношениям менее семи веков. Таким образом, психологический стереотип отношений непосредственной личной зависимости у наших предков формировался не менее 70 млн. лет, а психологический стереотип отношений опосредованной финансовой зависимости — не более семи веков, т.е. в 100 000 раз меньше. Немудрено, что

¹ Groves C. P. A theory of human and primate evolution. Oxford: The Clarendon press, 1989. XII. 375 p. P. 70.

² Moyà-Solà S. et al. *Pierolapithecus catalaunicus*, a New Middle Miocene Great Ape from Spain // Science. 2004. Vol. 306. № 5700. P. 1339–1344.

³ Prasad G. V.R. et al. A Cretaceous Hoofed Mammal from India // Science. 2007. Vol. 318. № 5852. P. 937.

реставраторы отношений непосредственной личной зависимости между людьми так пришлось по душе народным массам, что заслужили всенародную любовь.

Следует присовокупить, что эти отношения прошли в своем развитии два этапа. Дело в том, что в 1760 г. в Норвегии зафиксированы первые признаки начала эпохи акселерации¹, сменившей в Западной Европе и Северной Америке эпоху неотении (в бывшем СССР это произошло в 1960 г.). Неотеник (средний рост у мужчин — 170 см) гормонально развивается до возраста в 17,5 года. Жизненный опыт, приобретаемый за это время, эмоционально ярко окрашен, откладывается в памяти на всю жизнь и в основных чертах формирует человеческую личность. Напротив, акселерат (средний рост у мужчин — 185 см) гормонально развивается всего до 13 лет, а его гормональный жизненный опыт в пересчете на гормональный жизненный опыт неотеника составляет всего 10,13 года. До 13 лет акселераты очень быстро развиваются и производят на окружающих впечатление вундеркиндов. Однако в 13 лет их гормональное и умственное развитие резко обрывается, что называется «трагедией детей индиго» по цвету синей ауры, которую американские умельцы усмотрели у акселератов. Таким образом, последние пожизненно остаются психологическими тинейджерами 10,13 года с твердым образованием, отвечающим 6 классам средней школы. Дальнейшее образование усваивается узко и поверхностно, что хорошо известно отечественным педагогам, не понимающим, впрочем, природы описанного явления.

Иными словами, люди капиталистической эпохи не только страдают от отношений безличной финансовой зависимости. Они вдобавок с XIX в. являются психологическими детьми. В силу указанных трудностей с образованием акселератам пришлось к концу этого века перейти к занятиям зауженной, специализированной наукой. В силу тех же причин им пришлось объединять усилия и заниматься наукой коллективно (начиная с Кавендишской лаборатории, Кембридж, Великобритания, 1871 г.), что антропологически объясняет феномен специализированной коллективной науки.

Другой яркий феномен, связанный с акселерацией, касается так называемых «потерянных поколений». Западные участники первой Мировой войны (1914–1918 гг.) являлись акселератами и психологическими инфантилами, т.е. людьми с детской психикой. Ужасы военной бойни на всю жизнь выбили

их из колеи, что заставило американскую писательницу Г. Стайн (1874–1946) назвать их «потерянным поколением». Термин получил известность благодаря американскому писателю Э. М. Хемингуэю (1899–1961). С российской стороны в этой войне участвовали неотеники, психологически взрослые люди. Поэтому они перенесли мировую войну без психологических травм и даже нашли в себе силы устроить дома две революции (1917 г.), кровопролитную гражданскую войну (1918–1920 гг.) и восстановить страну в ходе реконструктивного периода.

Во время второй Мировой войны (1939–1945 гг.) всё повторилось с той поправкой, что наши западные союзники предпочитали воевать дистанционно, в основном, бомбардировками, и обошлись без «потерянных поколений». Зато в ходе афганской (1979–1989 гг.) и двух чеченских войн (1994–1996 гг.) и (1999–2000 гг.) рядовой состав отечественных войск представляли уже инфантильные акселераты. Поэтому ужасы указанных военных кампаний наградили их так называемым «посттравматическим синдромом», т.е. пожизненной травмой психики, как то случилось раньше с западными «потерянными поколениями»².

Еще одно существенное обстоятельство, обусловленное акселерацией, связано с образованием в нашей стране. Как отмечалось, инфантильные акселераты твердо усваивают только первые 6 классов школы и выпускаются как бы недоучками. Это досадное обстоятельство не ускользнуло от отечественного Минобразования, которое, не понимая природы указанного явления, предписало инфантилам учиться не 10 лет, а 11 (с 1990 г.). Понятно, эта мера была полностью бессмысленной, поскольку продуктивное образование инфантилов обрывается после 6 класса. Поясним, что десятилетка порождена психологическими особенностями неотеников, которые продуктивно усваивали знания до 17,5 года, а потому твердо усваивали именно десятилетку. Инфантилы, продуктивное усвоение которыми школьной программы обрывается после 13 лет, пожизненно остаются шестиклассниками. Единственный способ расширить их образование — это снижение школьного возраста до 5 лет, что даст мальчикам твердую восьмилетку, а девочкам — даже девятилетку, поскольку гормональное развитие обрывается у них позже. Добавим, что во время первых беременностей и родов женщины-акселератки добавляют

¹ Биология человека / Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. М.: Мир, 1979. 611 с. С. 390–392, 423–427.

² Клягин Н. В. Потерянные поколения // Высшее образование для XXI века. V международная научная конференция, Москва, 13–15 ноября 2008 г. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. М.: МГУ, 2008. Ч. 2. С. 33–51.

себе еще год гормонального развития, а потому в сумме психологически превосходят мужчин-акселераторов на 2 года, отчего те кажутся им детьми. Отсюда проистекает женский слоган «мужчины вымерли, как мамонты». Они, конечно же, не вымерли, а просто навсегда остались детьми. С психофизиологической точки зрения, снижение школьного возраста возможно, поскольку в 5 лет человеческий мозг оформляется уже на 90%¹ и способен совладать с программой начальной школы.

Социально-психологические особенности акселераторов носят вполне материальный характер и способны пополнить материалистическое понимание истории. Дело в том, что среди населения Северной Америки (США и Канады), Европы и бывшего СССР инфантильные акселераторы составляют 95,894%. Их инфантильная психология в среднем не приемлет «взрослых» семейных ценностей, в силу чего рождаемость указанных регионов падает, чему ошибочно даются, в сущности, бытовые экономические объяснения. Ошибочные потому, что рождаемость в нашей стране начала падать с повзрослением своих акселераторов, т.е. еще в годы экономического упадка 1985–1999 гг. Простодушные мыслители, понятно, объяснили, падение у нас рождаемости именно экономическим упадком, для чего далеко ходить не надо. Однако параллельно рождаемость падала в благополучных странах Запада, к чему объяснения экономическим упадком неприменимы.

В более южных регионах сохраняется неотеническое состояние, и падения рождаемости не происходит. В результате наблюдается неизбежная миграция населения с юга на север. Наивные мыслители, понятно, объясняют эту миграцию экономической привлекательностью Запада. Но в годы экономического упадка она затронула и нашу страну, а потому искать первопричины этой миграции в экономике не приходится.

По нашим расчетам, основанным на наблюдениях над четырьмя акселерациями предшествующих эпох, современная акселерация продлится на Западе до 2214 г., а у нас — до 2414 г., плюс-минус четырехпроцентная статистическая погрешность, т.е. до $2214 \pm 18,64$ г. и $2414 \pm 18,64$ г. соответственно. За остающиеся для акселерации и ее падения рождаемости 200 лет на Западе и 400 лет у нас миграция с Юга изменит названные регионы Севера до неузнаваемости, чего демократическая общественность северных регионов не понимает и дебатировать в своих парламентах малосущественные вопросы типа можно ли в их странах носить головные платки. Рассуждая о подобных пустяках, указанная демократическая общественность имеет все шансы

потерять свою западную культуру незаметно, т.е., так сказать, культурологически «умереть небожно».

Другой существенный вопрос, связанный с акселерацией, касается происхождения и судеб западной массовой культуры, активно развивающейся и в нашей акселерирующей стране. В Новое и, тем более, в Новейшее время духовная культура Запада усложнилась настолько, что достояние одних ее подразделений стало малопонятным для других подразделений. Тем самым сложная духовная культура грозила не объединять людей в праздное время, а разобщать, чего слепой социум, ратующий за свою целостность, потерпеть не мог. В результате селективные преимущества в социуме получили упрощенные формы культуры, и она покатила к своему массовому состоянию. Ситуация облегчалась тем, что потребителями массовой культуры оказались инфантильные акселераторы, в 95,894% случаев не приемлющие никаких «взрослых» форм культуры. Поэтому, так сказать, в лице массовой культуры мы имеем дело не с закатом культуры, как пафосно утверждают наивные мыслители, не понимающие, что происходит с людьми. Мы имеем дело с формой культуры, адекватной своим инфантильным носителям. Это не закат культуры, а просто исторически обусловленная ее форма. Эстетам придется потерпеть до $2214 \pm 18,64$ г. на Западе и до $2414 \pm 18,64$ г. у нас. Не так уж долго. Зато будет забавно, и вот почему.

Когда в $2214 \pm 18,64$ г. американская общественность примется перерождаться из акселераторов в неотеников и убывать в росте со 185 см до 170 см в среднем, ее детский интеллект не сможет понять происходящего, и в прессе поднимется шум относительно того, что Америка отравлена Аль-Каидой. Дело в том, что в то отдаленное время биосоциальные процессы будут идти быстрее современных в связи с демографическим ростом. И физическое измельчение неотеников станет происходить исторически прямо на глазах. Можно возразить, что акселераторы будущего ознакомятся с настоящими строками в Интернете и воздержатся от паники. Однако этого не произойдет, поскольку инфантилы-шестиклассники вообще мало читают. Поэтому, например, нобелевские футболисты Сола Перлмуттера (22 автора)² совершенно не в курсе, что падение постоянной Хаббла вдаль от Земли (их нобелевское открытие) открыто за 7 лет до них³. Однако людям будущего не стоит отчаиваться. Когда их инфантильных представителей заменят взвешенные неотеники, всё успокоится.

² Perlmutter S. et al. Discovery of a supernova explosion at half the age of the Universe // Nature. 1998. Vol. 391. № 6662. P. 51–54.

³ Narlikar J. What if the big bang didn't happen? // New scientist. 1991. Vol. 129, № 1758. P. 48–51; Idem. Challenge for the big bang // New scientist. 1993. Vol. 138. № 1878. P. 27–30.

¹ Биология человека / Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. М.: Мир, 1979. 611 с. С. 428.

Заключение

Как можно видеть, наша статья распадается на две части. Первая часть посвящена взглядам П. Рикёра. Его интересует субъективная сторона

исторического исследования. Вторая часть посвящена философским взглядам на историю как на объективный процесс. Она призвана уравновесить проблематику субъективности, поглотившей первую часть.

Список литературы:

1. Биология человека / Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Тэннер, Н. Барникот, В. Рейнолдс. М.: Мир, 1979. 611 с.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2 изд., доп. М.: Наука, 1986. 256 с.
3. Гешвинд Н. Специализация человеческого мозга // Мозг. М.: Мир, 1982. 280 с. С. 219–239.
4. Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М.: ИФРАН, 1996. 252 с.
5. Клягин Н. В. Человек в истории. М.: ИФРАН, 1999. 238 с.
6. Клягин Н. В. Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 264 с.
7. Клягин Н. В. Потерянные поколения // Высшее образование для XXI века. V международная научная конференция, Москва, 13–15 ноября 2008 г. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. М.: МГУ, 2008. Ч. 2. С. 33–51.
8. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4 изд. М.: МГУ, 1981. 584 с.
9. Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 656 с. С. 79–420.
10. Рикёр П. История и истина. СПб: Алетея, 2002. 400 с.
11. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2 изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. 698 с. С. 507–509.
12. Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2 изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. 698 с. С. 544–571.
13. Энгельс Ф. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2 изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. 698 с. С. 572–597.
14. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2 изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. 698 с. С. 598–617.
15. Энгельс Ф. Положение Англии. Английская конституция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2 изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. 698 с. С. 618–642.
16. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2 изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. 651 с. С. 231–517.
17. Corballis M. C. The Gestural Origins of Language // American Scientist. 1999. Vol. 87. № 2. P. 138–145.
18. Damasio A. et al. Sign language aphasia during left-hemisphere Amytal injection // Nature. 1986. Vol. 322. № 6077. P. 363–365.
19. Gorina D.P. et al. The Linguistic Basis of Left Hemisphere Specialization // Science. 1992. Vol. 255. № 5049. P. 1258–1260.
20. Groves C.P. A theory of human and primate evolution. Oxford: The Clarendon press, 1989. XII, 375 p.
21. Hewes G. W. Primate Communication and the Gestural Origin of Language // Current Anthropology. 1973. Vol. 14, № 1–2. P. 5–12.
22. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 467 p.
23. Konopka G. et al. Human-specific transcriptional regulation of CNS development genes by FOXP2 // Nature. 2009. Vol. 462. № 7270. P. 213–217.
24. Moyà-Solà S. et al. Pierolapithecus catalaunicus, a New Middle Miocene Great Ape from Spain // Science. 2004. Vol. 306. № 5700. P. 1339–1344.
25. Narlikar J. What if the big bang didn't happen? // New scientist. 1991. Vol. 129. № 1758. P. 48–51.
26. Narlikar J. Challenge for the big bang // New scientist. 1993. Vol. 138. № 1878. P. 27–30.
27. Perlmutter S. et al. Discovery of a supernova explosion at half the age of the Universe // Nature. 1998. Vol. 391. № 6662. P. 51–54.
28. Prasad G.V.R. et al. A Cretaceous Hoofed Mammal from India // Science. 2007. Vol. 318. № 5852. P. 937.

References (transliteration):

1. Biologiya cheloveka / Dzh. Kharrison, Dzh. Uainer, Dzh. Tenner, N. Barnikot, V. Reinolds. M.: Mir, 1979. 611 s.
2. Blok M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. 2 izd., dop. M.: Nauka, 1986. 256 s.
3. Geshvind N. Spetsializatsiya chelovecheskogo mozga // Mozg. M.: Mir, 1982. 280 s. S. 219–239.
4. Klyagin N. V. Proiskhozhdenie tsivilizatsii (sotsial'no-filosofskii aspekt). M.: IFRAN, 1996. 252 s.
5. Klyagin N. V. Chelovek v istorii. M.: IFRAN, 1999. 238 s.
6. Klyagin N. V. Sovremennaya nauchnaya kartina mira: Ucheb. posobie. M.: Universitetskaya kniga, Logos, 2007. 264 s.
7. Klyagin N. V. Poteryannye pokoleniya // Vysshee obrazovanie dlya XXI veka. V mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Moskva, 13–15 noyabrya 2008 g. Dukhovnoe razvitie cheloveka i sodержanie vysshego obrazovaniya. M.: MGU, 2008. Ch. 2. S. 33–51.
8. Leont'ev A. N. Problemy razvitiya psikhiki. 4 izd. M.: MGU, 1981. 584 s.
9. Platon. Gosudarstvo // Platon. Sobr. soch.: V 4 t. M.: Mysl», 1994. T. 3. 656 s. S. 79–420.
10. Riker P. Istoriya i istina. SPb: Aleteiya, 2002. 400 s.
11. Engel's F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii // Marks K., Engel's F. Soch.: 2 izd. M.: Politizdat, 1954. T. 1. 698 s. S. 507–509.
12. Engel's F. Nabroski k kritike politicheskoi ekonomii // Marks K., Engel's F. Soch.: 2 izd. M.: Politizdat, 1954. T. 1. 698 s. S. 544–571.
13. Engel's F. Polozhenie Anglii. Tomas Karleil». «Proshloe i nastoyashchee» // Marks K., Engel's F. Soch.: 2 izd. M.: Politizdat, 1954. T. 1. 698 s. S. 572–597.
14. Engel's F. Polozhenie Anglii. Vosemnadtsatyi vek // Marks K., Engel's F. Soch.: 2 izd. M.: Politizdat, 1954. T. 1. 698 s. S. 598–617.
15. Engel's F. Polozhenie Anglii. Angliiskaya konstitutsiya // Marks K., Engel's F. Soch.: 2 izd. M.: Politizdat, 1954. T. 1. 698 s. S. 618–642.
16. Engel's F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii. Po sobstvennym nablyudeniya i dostovernym istochnikam // Marks K., Engel's F. Soch.: 2 izd. M.: Politizdat, 1955. T. 2. 651 s. S. 231–517.